

Милый, славный Алексей Максимович

Институт мировой литературы им. А. М. Горького в Москве передал минскому Литературному музею Максима Богдановича переписку белорусского учёного-этнографа с писателем

Беседовал
Максим Чижиков,
Москва

28 марта в России отметили 150-летие со дня рождения Алексея Максимовича Горького. Юбилей писателя, чьё творчество актуально и теперь, включён ЮНЕСКО в список памятных дат мирового культурного наследия на 2018 год. В эти дни Институт мировой литературы им. А.М. Горького в Москве передал минскому Литературному музею Максима Богдановича переписку выдающегося белорусского учёного-этнографа Адама Богдановича с Максимом Горьким, его женой Екатериной Волжиной-Пешковой и её сестрой Александрой

(Горького и Богдановича объединяли родственные узы, они были женаты на родных сёстрах). Мероприятие прошло при поддержке Постоянного Комитета Союзного государства, в нём приняли участие журналисты союзных СМИ, участники объединения «Друзья-сибры».

В чём ценность этих 314 писем, «Союзному государству» рассказала заместитель директора Института мировой литературы Дарья МОСКОВСКАЯ.

— Недавно один известный немецкий горьковед сказал, что эпистолярий Горького и его воспоминания — это

Дружеский шарж
на Максима
Горького.
Автор —
знаменитый
карикатурист
Борис Ефимов

живая история XX века. Вокруг Алексея Максимовича завихрилось столько культурных потоков, что через его переписку можно исследовать истории стран и народов прошлого столетия.

Что же касается Беларуси и России, то, во-первых, содержащаяся в ней историческая канва пополняет новыми фактами наши знания национальных историй. Во-вторых, в переписке мы найдём летопись жизни выдающихся деятелей белорусской культуры Адама Богдановича и его сына Максима, многие события которой не были известны или утеряны. В-третьих, в письмах появляется новый ракурс восприятия Максима Горького. Переписка, подобно дневниковым записям, не имеющим длительной временной дистанции, свободна от лести, порой нелицеприятна и представляет живого человека – в быту, за работой, в общении с домашними.

Из письма А. Богдановича невесте Александре Волжиной от 19 октября 1898 года:

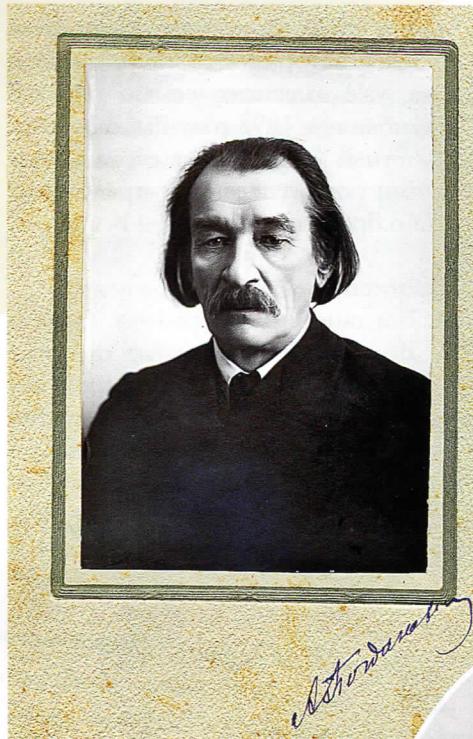
«Мы <...> пошли погулять на Оку. А там вблизи квартира Пешковых. Мы и зашли навестить их. Алексея Максимовича не было дома, он был в редакции «Листка», в котором он взялся писать фельетоны за 100 руб. с листа. Теперь он по утрам ходит в редакцию. <...> Катерина Павловна оставила меня на приюги. Я хотел идти дальше, но она стала сердиться. Пришёл Алексей Максимович, раздражительный, после нарывы, который ещё не созрел. Дело в том, что он взялся не за своё дело: он не умеет писать фельетоны, они у него слишком искусственны, фальшивы, да и материала подходящего не хватает, кроме того, обидно, что здесь ему какой-то Е** может делать замечания и указания. Но деньги надобны. <...> Дело подневольное – и он злится весьма. Скоро он его, конечно, бросит, при первой денежной возможности».

Влюблённый рыцарь

– Какой период охватывают эти письма?

– С 1898 года, когда Адам Богданович (с середины ноября 1896 года по рекомендации писателя Чирикова знакомый с Максимом Горьким), возвращаясь в Нижний Новгород, заезжает в Самару, где знакомится с Александрой Волжиной, сестрой Екатерины Павловны Пешковой, и входит в качестве друга, а потом жениха в семью Волжиных.

– И часть переписки посвящена именно отношениям Адама и Александрой?

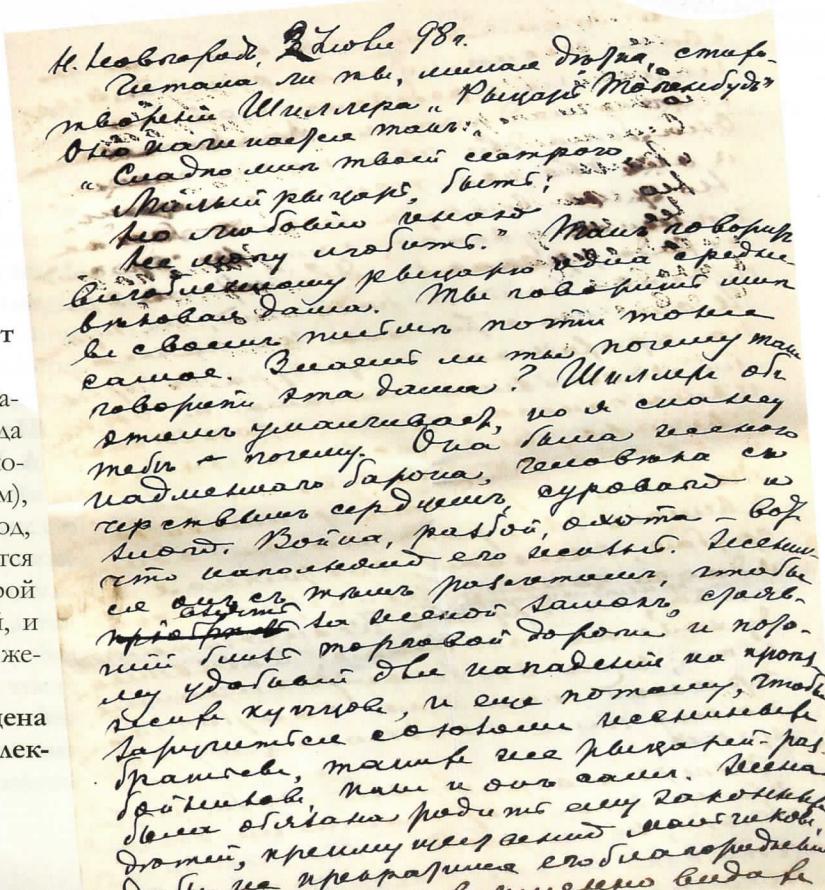

Переписка
Богдановича
и его невесты
Александры
Волжиной –
настоящий роман
в письмах

Сашенька любила
Адама, но боялась
иметь детей.
И умерла
при родах

– Это самостоятельный сюжет. Эпистолярий, особенно людей образованных, талантливых, литературно одаренных, всегда событие. Мы разучились писать письма, перейдя на эсэмэски, сегодня почти пропала культура письменного общения. Кроме того, читатель переживает удивительное ощущение «здесь и сейчас», чувство живого присутствия. И наконец,

историка культуры поразит этот роман в письмах, история любви зрелого человека, уже имевшего семью и детей (Богдановичу в 1898 году было 36 лет), и 18-летней девушки со своими ещё детскими романтическими представлениями о браке.

**Из письма
А. Богдановича
А. Волжиной
от 2 июня 1898 года**

«Читала ли ты, милая детка, стихотворение Шиллера «Рыцарь»? Оно начинается так:

— А. Богданович
16/7 31. Дорогая моя, Болдинская пер. д. 4, кв. 2

Дорогой Александра Максимовна!
Эти будни приведут к тому, что я
приеду к твоим родителям. Ты несомненно
будешь знать лучше, чем я, что это значит? Однажды
буду рад. (домашнее приветствие)
Подле твоих личных листов я все на-
средственно говорю, — а общее существо
наши: наши взаимные во мнени-
ях отношешиах будем благо-
творительно.

Такими же словами передадут сча-
стье и любовь моей по душам.
Ежеминутное наше вожделение подтверж-
дается.

Надежда будущих счастья?
Молодая Катя несет момент гла-
вного.

С любовью А. Богданович

Горький
вместе
с супругой
Екатериной
и сыном
Максимом

Сладко мне твоей сестрою,

Милый рыцарь, быть;

Но любовию иною

Не могу любить...

Так говорила влюблённая рыцарю средневековая дама. Ты говоришь мне в своих письмах почти то же самое. <...>

Наши рыцари, или трубадуры, <...> могут целовать руку у своей дамы, прославлять в поэмах её имя и ломать на турнирах в честь её красоты копья, даже и ребра, но ему хотелось бы кое-чего большего, именно «иной любви». <...> Я люблю тебя всю, свою душу, но и тело, понимаешь ли, солнышко? Ты для меня единая и нераздельная.

О, если бы ты так меня любила!.. Солнышко, ведь я плакал над твоим письмом, плакал, говорю это не стыдясь.

<...> солнышко, я не хочу английской любви, когда мы будем ангелами, мы будем любить по-ангельски, а теперь я человеческое существо и душой, и телом и желаю любви настоящей, человеческой, а не какой-то благочестивой фальсификации <...>».

В письмах Адама и Александры

мы сталкиваемся и с тем, что потрясало современников XX века: раскрепощением полов, эмансипацией женщины, происходивших на фоне модерна, технической и научной революции, когда покровы тайны были сняты с мира — в прямом и переносном смысле. Адам Богданович, далёкий от мистики реалист и человек современных взглядов, был готов, например, и к тому, чтобы Саша жила у него до свадьбы. А она сопротивлялась, но это было сопротивление не тургеневской кисейной барышни, а наивной, чистой девочки, пугавшейся новых семейных отношений. Всё осложнялось и недоброжелательным отношением матери, Марии Александровны Волжиной, к зятям. Горький с Богдановичем — персоны нон-грата, не вписанные в буржуазный истеблишмент времени.

Из письма А. Богдановича

А. Волжиной:

«Я догадываюсь, чего твоя мама хочет, она хочет для тебя беспечального жития, т.е. чисто скотоподобного существования. Она понимает и чувствует, что ты, будучи моей женой, ничего подобного не найдёшь, и считает тебя, разумеется, обречённой на жертву. Она ругает меня в письме к Кате, что я склоняю тебя к браку... Я и она — два совершенно разных мифа. Выехать в Москву на свидание — это малодущие, недостойное нас. Ты действуй,

а не рассуждай. Катерина Павл. сказала, чтобы я попросил Ал. Макс. написать мамеувещательное письмо, что она его послушается. Я сказал, что не сделаю этого. Катя мне говорила, что писала тебе, прося у неё остановиться. С точки зрения приличий это, разумеется, удобнее. Но если ты не считаешь нужным с ними считаться, то <...> с моей точки зрения, так и надо. <...> Я передал Кате, что ты писала об отношении мамы к нашему браку. Она говорила, что так же было, когда она собиралась выходить за Алексея Максимовича.

Любовные письма Адама и Александрьи исполнены страсти и... мистики. Бедная Сашенька горячо любила красивого, талантливого, взрослого мужчину, каким был Адам, мечтала выйти за него, но боялась иметь детей... И умерла при родах.

Ни «тыканья», ни фамильярности

— Какие ещё яркие личности всплывают в переписке Богдановича?

— Письма раскрывают нам сложную связь дружеских отношений Адама с деятелями науки и культуры Белоруссии и России, прежде всего Волжского бассейна, от Ярославля до Нижнего Новгорода. Беларусь и Волга – вот две родины Богдановича, о которых он говорил и писал в своих письмах. Одно из дорогих мне как историку литературы имён – Алексея Золотарёва, через гимназического ярославского приятеля Максима Богдановича Диодора Дебольского ставшего другом их семьи. Второе – Николая Анциферова, друга Алексея Золотарёва. Он принимал участие в краеведческих съездах на Ярославщине в 1920-е годы и записал свои встречи с Адамом, во времена которых тот высказывался о корнях русской культуры, возводя к украинским, русским и белорусским истокам.

— Меняется ли со временем стилистика переписки Богдановича и Горького?

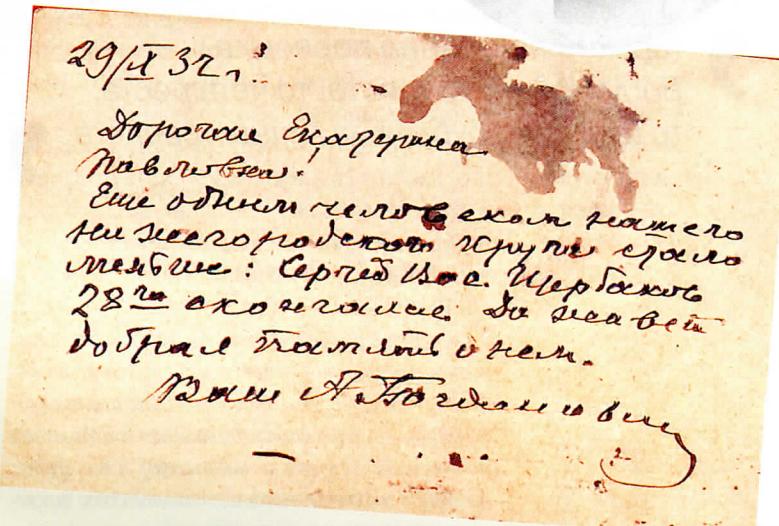
— Адам Богданович – человек традиционного воспитания. Даже близкая дружба не предполагала возможности «тыканья». Ни в ранних письмах, когда он породнился с Горьким, ни потом он не позволял себе фамильярности.

Из письма А. Богдановича М. Горькому от 10 января 1926 года

«Отрадно вспомнить, как скромно было начало <...> и как славно и бурно протекала Ваша жизнь за работой, переходя от победы к

победе, вздымаясь всё выше и выше до головокружительной высоты. Как хорошо, что у Вас голова не закружилась! Как хорошо, что Вы всё тот же милый, добрый, славный, отзывчивый, всё тонко чувствующий, всё понимающий Алексей Максимович!»

Конечно, после перенесённых страданий, понимая, что твои письма могут попасть в чужие руки, аккуратность в выражениях возрастает. Но Адам Богданович никогда не изменяет себе. Он прямо говорит с другом, не ищет витиеватых выражений, чтобы сказать Алексею

Максимовичу о его ошибках или неточностях, не пытается льстить ему.

Из письма А. Богдановича М. Горькому

«...говорят, что Вы влюблены в Италию и итальянцев. Может быть, особенно, если принять во внимание Вашу живую впечатлительность. Но думаю, что это чувство скорее головное, чем сердечное, значит, поверхностное. Что касается меня, это несомненно. Полагаю, что и для Вас. На самом деле, что такое Венеция, Флоренция, кстати, Сорренто – мёртвые музеи или международные гостиницы. Что такое Лондон, Манчестер и проч.? Мировые фабрики и биржи, где производят и торгуют, а не живут сердцем и душой. Меня это интересует с точки зрения археологии, другие – статистически, не большие. А мои Холопеничи, Минск, Нижний – это другое дело, тут что ни шаг, то воспоминание, которое волнует и живо затрагивает сердечные струны».

С супругой
Горького
Екатериной
Пешковой Адам
Богданович
тоже много
переписывался:
просил,
в частности,
поддержки
в отношениях
с её сестрой

На Первом съезде советских писателей, в работе которого участвовали и белорусские классики Якуб Колос и Янка Купала, в речи представителя белорусской делегации Климковича до-

сталось сыну Богдановича Максиму за буржуазные ценности в творчестве, имя которым «национальная традиция». Максим действительно писал на родном языке. Он создавал национальную литературу, опираясь на своеобразие мысли и стиля своего народа, недаром его сравнивают с Пушкиным. Богданович в письме Горкому не говорит об этой тяжёлой для него как отца Максима и как учёного-этнографа, профессионала истории, но чрезвычайно корректно отстаивает свою точку зрения. Национальная неповторимость, индивидуальность – это как раз то, чем любой народ и его культура интересны и нужны миру.

Горький постоянно пересыпал Богдановичу то триста, то четыреста, то шестьсот рублей из личных средств

Из письма А. Богдановича
М. Горькому от 3 октября
1934 года

«Также настоятельно необходимо издание периодических сборников и альманахов, посвящённых творчеству национальных писателей: без этого не может быть единения и взаимного понимания. Переводы на русский язык будут пробным камнем высоты поэтического искусства наших поэтов, которые склонны самодо-

вольно застывать на своих скрофоспелых успехах, не совершенствуя своего вкуса».

В этом письме Богданович косвенно напомнил Горькому о многочисленных публикациях, посвящённых национальным литературам и фольклору, пореволюционные судьбы которых регулярно и восторженно освещал Алексей Максимович и другие корреспонденты в журнале «Наши достижения».

8 декабря 1935 года, поздравляя Горького с созданием Пушкинского комитета, Богданович не побоялся напомнить: «...да из белорусов надо бы ещё прибавить Якуба Коласа – наиболее талантливого из белорусских поэтов старого поколения».

Горький вёл себя достойно в эти трудные времена, оставался верен дружбе. Вытаптил того же Золотарёва из архангельской ссылки. Если бы он этого не сделал, тот бы умер. Освободил в 1931 году и Богдановича, арестованного в Ярославле по делу краеведов. Постоянно, как видно из писем секретаря Горького Крючкова, Алексей Максимович пересыпал Богдановичу то триста, то четыреста, то шестьсот рублей из личных средств.

Будучи старше Горького на 6 лет, 8 марта 1936 года, поздравляя писателя с 68-летием, Богданович просит, убеждённый в том, что скоро умрёт, а Горький будет здравствовать, чтобы тот позаботился о сохранении своего научного

Канны аплодировали 22 минуты

По произведениям Горького снято больше сотни фильмов. Два из них – «Вассу» и «Мать» – поставил режиссёр Глеб Панфилов. И обе картины были обласканы критикой и жюри кинофестивалей

Мы дозвонились Глебу Анатольевичу и попросили поделиться воспоминаниями.

– Пьеса «Васса Железнова» – история, понятная для меня с самого начала. Там, с одной стороны, драма семьи, а с другой – социальные проблемы, которые актуальны и сейчас. Только я осмыслил это произведение по-другому. Можете себе представить, целиком выкинул второй акт. И написал новые обстоятельства, которых у Горького не было: пожар на корабле, его спуск на воду, история взаимоотношений матроса Пятёркина и Онопченковой – помощницы Железновой. Да и сама Васса в фильме – это открытие. У меня она не старуха, а жен-

Записала
**Анастасия
ВЛАСОВА,**
Москва

щина 42 лет, как и написано у Горького. Когда я взял на эту роль Инну (Инна Чурикова – актриса, супруга Глеба Панфилова. – Ред.), удивил многих в Госкино: «Какая же она Васса?» Да вы «Вассу» или не читали, или забыли.

То, что фильм получил главный приз Московского кинофестиваля в 1983 году, приятное событие и для меня принципиальное. Картина нашла отклик не только у зрителей, но и у коллег.

Я и в фильме «Мать» многое домыслил. Помогал мне генеральный директор «Мосфильма» Николай Трофимович Сизов – большой знаток Горького.

В 1990 году «Мать» попала в конкурсную программу Каннского фестиваля. Когда фильм закончился, началась ова-

наследия: «...не дайте погибнуть без следа этим моим трудам». Однако судьба распорядилась иначе. Богданович пережил друга на 4 года. Оставшееся время он посвятил написанию мемуаров – о судьбе поколения, о своём народе.

Письма – учебник высоких чувств – Про сына Максима отец пишет много?

– Он часто упоминает о нём – и в письмах к Александре, и в письмах к Горькому, пишет про его нрав, о его интересе к литературе, о здоровье... Его отеческая скорбь после смерти сына проявляет себя сдержанно – её сила не подлежала словесному выражению.

Из письма А. Богдановича М. Горькому

«Сейчас по поводу одной жертвы – моего Максима, – сейчас делаю скучнейшее дело, выписываю его статьи из ярославского «Голоса» для Института белорусской литературы. Работа фронтопательская. Между прочим, Максим в 13–14 лет писал Вам и, кажется, послал Вам книжку своих стихов. Не сохранились ли у Вас его письма?.. Белорусы были бы весьма обрадованы».

– Эти письма – культурное наследие, которое, возможно, следует включить в образовательные программы...

ция. Режиссёр Андрей Смирнов засёк время: аплодисменты длились 22 минуты. Мы с Инной не знали, что делать. Начали кланяться. Сначала тем зрителям, кто был вокруг нас в партере, потом тем, кто был на балконе. А время шло. Наконец я говорю супруге: «Инночка, давай потихоньку выходить. Неловко задерживать людей». И мы двинулись к выходу. Овации продолжались. Мы вышли в тёмное фойе. Через полминуты зажглось свет, овации в зале смолкли, и люди стали к нам подходить, поздравлять.

Оставшиеся до конца фестиваля три дня за нами бегали корреспонденты, уверенные: мы что-то выиграем. «Мать» получила приз жюри за вклад в мировое киноискусство. А выиграл фильм «Дикие сердца» Дэвида Линча. Я потом его посмотрел, ничего особенного...

**Памятник Горькому в Сочи,
для которого и позировал молодой
Виталий Игнатенко**

– Конечно. Педагоги знают, что студентам и школьникам нужны события и люди, а не факты и концепции. Любая информация усваивается тогда, когда речь идёт о чём-то конкретном, к чему можно прикоснуться. Таковы воспоминания и письма, потому что они дают простор сопереживанию. И потому они для преподавателя – важная педагогическая находка. Кроме того, переписка Горького и Богдановича – учебник высоких чувств, достойного поведения и прекрасного литературного стиля. Их письма учат, как говорить о трудных или болезненных предметах, не оскорбляя чувств собеседника и не теряя собственного достоинства. Это урок диалога, если хотите, межнационального, международного диалога и сотрудничества.

**Елена
Матвеосян –
заведующая
архивом
А.М. Горького,
где хранятся
уникальные
документы,
связанные
с писателем**

Фото:
**Михаил
ФРОЛОВ,
РИА Новости,
из архива музея**

К СВЕДЕНИЮ

В книге «Со мной и без меня» легендарный журналист Виталий Игнатенко, работавший в «Комсомолке» и более 10 лет возглавлявший ИТАР-ТАСС, рассказал о том, как он позировал скульптору Александру Колобову для памятника Горькому в Сочи: «Я тогда был долговязым, мускулистым подростком. Выбор и пал на меня. Правда, скульптор позаимствовал для статуи только мой торс, но мальчишечья мольва разнесла: Талику Игнатенко памятник поставили. Я не знал, куда деваться от насмешливой славы. Даже теперь жена Светлана Алексеевна, когда приезжаем в Сочи и набредаем (...) на каменную фигуру, не без юмора вопрошают: «И за что тебе памятник при жизни поставили?» Помню (...) необычное ощущение свалившегося на меня богатства: получил за торс гонорар. На все деньги купил маме туфли».